

Изображение насилия в «Семействе Тальниковых» А.Я. Панаевой

Алена Браженко, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), eabrazhenko@edu.hse.ru

Статья посвящена анализу изображения насилия в повести А.Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» 1848 года. Это произведение Панаевой вызвало резко негативную реакцию властей и было запрещено цензурой из-за «безнравственности и подрыва родительской власти». Тем не менее, либеральными критиками и литераторами середины XIX века повесть была оценена положительно, так как оно, в духе натуральной школы, обнажало «язвы» общества. В этой статье мы попытаемся рассмотреть, как Панаева подходит к табуированной для общества XIX века теме бытового насилия и какие изобразительные стратегии избирает для репрезентации ее в повести.

В ходе анализа были выявлены доминирующие стратегии изображения насилия, а именно – субъекты, объекты насилия и динамика отношений между ними; охарактеризованы нарративные особенности, описаны семантические особенности слов для изображения насилия, а также было проанализировано, каким образом достигается эффект рутинизации насилия в повести.

Ключевые слова: репрезентация насилия, бытовое насилие, «Семейство Тальниковых», А.Я. Панаева

Для цитирования: Браженко Е.А. Изображение насилия в «Семействе Тальниковых» А.Я. Панаевой // Метаморфозис. 2023. Т. 7. №2. С. 17-25.

1. Субъекты и объекты насилия

Вначале следует провести классификацию субъектов и объектов насилия в тексте с целью проанализировать динамику их отношений.

1.1. Насилие взрослых

Насилие, осуществляемое взрослыми, мы поделили на два подвида по объекту его приложения: насилие над взрослыми с меньшими силой и влиянием, и насилие над детьми. Даже при поверхностном взгляде на текст становится очевидным, что насилие по отношению к детям описывается намного чаще и подробнее, чем насилие взрослых над другими взрослыми членами семьи. Мы видим, например, как мать, тетеньки и гувернантка постоянно наказывают детей, как отец их жестоко избивает, как дядя бьет роз-

гами отданного ему на воспитание племянника. В выделенной классификации хочется обозначить еще одно разделение – по гендерному признаку.

Чаще всего в повести мы видим насилие со стороны женщин: «Тетенька находила особенное удовольствие наказывать меня»¹, «Тетенька за ухо повела меня в угол»², «В бешенстве она, наконец, ударила меня так сильно по руке, лежавшей на книге, что книга полетела вверх, а рука моя хрустнула и, как гиря, спустилась вниз»³ и т. д. Следует, тем не менее, отметить, что хоть женское насилие и отличается высокой степенью жестокости, оно описывается кратко, характеризуется как «мелкое», рутинное и незначительное, в отличие от действия членов-мужчин. Эпизоды с наказанием отцом старшего сына Миши за решение уехать на Кавказ, или с избиением дядей брата Феди розгами описываются намного подробнее. Впечатление, производимое этими эпизодами, нельзя сравнить с наказаниями детей гувернанткой.

Мужское насилие, таким образом, хотя и реже встречается в повести, оказывается значительнее и болезненнее, чем женское. Как кажется, важен также тот факт, что хотя и мать, и тетеньки, и гувернантка – самые частые источники страданий для главной героини, дети не боятся им перечить и оказывать сопротивление. Так, следует вспомнить «нападение» детей на гувернантку во время бала⁴ или эпизод в конце повести, когда Наташа не поцеловала руку своей матери⁵. Перед отцом же они испытывают сильный страх. Потому особенно весомым представляется поступок Наташи, бросившейся грудью перед отцом, защищая младшего брата от избиения веткой вербы⁶. Авторитет отца как родителя был беспрекословным: «О правах родителей я имела такое понятие, что они могут не только наказывать, но и убивать детей»⁷, и тем не менее, внутреннее сопротивление Наташи насилию было сильнее, чем страх и пиетет перед отцом.

Так, дети, как самые слабые и бесправные члены семьи, оказываются беззащитны перед любым человеком, желающим использовать власть. Понятно, что они чаще всех подвергаются насилию со стороны взрослых. Но нужно добавить, что помимо описания отношений между взрослыми и детьми, Наташа также уделяет много внимания отношениям между взрослыми членами семьи. Насколько распространено описание насилия между взрослыми в повести?

Безусловно, жестокое отношение в семье Тальниковых не ограничивается лишь детьми. Так, в частности, при описании отца Наташи сообщается,

¹ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 108.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 146-147.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же.

что он пускал тарелкой в свою жену⁸. Тем не менее конкретных эпизодов, где бы описывалось, как он бьет свою жену, мы не находим. Насилие между взрослыми преимущественным образом существует на вербальном уровне: Наташа сообщает нам о частых ссорах из-за денег между матерью и отцом⁹, о ссорах матери с бабушкой¹⁰, постоянных ссорах между тетеньками и гувернанткой, которые тем не менее могли доходить до рукоприкладства¹¹; подробно описываются перепалки между бабушкой и дедушкой Наташи¹², а также между дедушкой и дядей¹³. Однако, нужно заметить, что конкретных и подробных эпизодов с применением физического насилия между взрослыми членами в семье в тексте нет. Следовательно, можно предположить, что в цели повести входило сфокусировать внимание читателя именно на насилии над детьми.

1.2. Насилие детей

В повести присутствует феномен цикличности насилия. Дети, жертвы насилия, перенимают от взрослых разрушающие паттерны, с помощью которых они выражают свои эмоции, строят отношения друг с другом и защищают себя.

Следует сказать, что насилие детей имеет меньший масштаб в первую очередь из-за отсутствия у них большой физической силы. Направлено оно скорее на разрешение какого-либо конфликта, выход эмоционального напряжения или личную выгоду, чем на удовлетворение потребности реализовать свою власть, как у взрослых. Так, например, Наташа рассказывает, что однажды, «раздраженная насмешками и разными выходками старшей сестры», она «увлеклась гневом» и, «пренебрегая последствиями», ударила ее в лицо¹⁴. Насилие как способ постоять за себя Наташа предлагает Уле, дочери прачки, работающей в доме Тальниковых, советуя ей бить пристающих к ней ухажеров¹⁵.

Энергия детей, которую они не могут выплеснуть дома, выходит наружу, когда их выпускают погулять на улицу: «Братья наводили ужас на всех: лазали на деревья, на крыши беседок, – все рушилось, к чему они прикасались...», «а другие мальчики представляли казаков, которые иногда, разгорячась, не шутя начинали драться с разбойниками <...> как петухи, отдох-

⁸ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 105.

⁹ Там же. С. 118-119.

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Там же. С. 151.

¹² Там же. С. 176, 219, 222.

¹³ Там же. С. 195-196.

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Там же. С. 137.

нув, они опять кидались друг на друга, и только изнеможение прекращало битву...»¹⁶. Такое поведение, с нашей точки зрения, не говорит об особой жестокости детей, а, скорее о том, что это единственный доступный им способ выражения эмоций. Дети Тальниковых каждый день подвергались муштре со стороны гувернантки и матери, гуляли очень редко, и, кроме однообразных, сопровождавшихся наказаниями уроков, почти ничем не занимались. У них не было способа мирно высвободить эмоциональное напряжение, накопленное дома.

Одной из самых ярких сцен насилия со стороны детей является эпизод «отмщения» гувернантке. Детей, которые привлекали к себе много внимания во время бала, отослали в детскую спать, а гувернантка заперла дверь на ключ, чтобы пресечь попытки наблюдать за происходящим через щель. Негодующие от такой несправедливости дети вначале обезобразили постель гувернантки, а затем задумали с помощью подножки и масла от подсвечника, разлитого по полу, испортить ей платье. Криками и танцами заманенная в детскую гувернантка стала жертвой детской «мести»¹⁷. В этом эпизоде, во-первых, видно, что дети избегают прямой демонстрации насилия – совершают его скрыто, так как в семье «монополия» на открытое насилие принадлежит взрослым. Во-вторых, хочется отметить коллективный характер действия – дети объединяются против «общего врага». В повести мы видим множество эпизодов теплых отношений между детьми: когда брат Ваня делится с лишенной еды Наташей спрятанным хлебом¹⁸; когда Наташа бросается защищать маленького брата от избиений отца¹⁹. Эта тенденция к объединению и сплоченности детей очень важна в повести. Одинокое, незащищенное, лишенные любви и заботы дети оказываются более человечными, чем их взрослые родственники.

Таким образом, перенимая паттерны поведения взрослых для координирования своего эмоционального состояния и разрешения конфликтов, дети также проявляют и сплоченность, взаимовыручку, сочувствие друг к другу, из-за чего их характеры неоднозначны.

2. Характеристика описания

2.1. Стиль и особенности повествования

Стиль повествования в «Семействе Тальниковых» имеет характер внешнего фиксирования событий, протоколирования происходящего. Будучи попеременно участником ситуации и сторонним наблюдателем, На-

¹⁶ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 146-147.

¹⁸ Там же. С. 132.

¹⁹ Там же. С. 106.

таша с разной степенью детализации описывает действия, свои и окружающих, называет эмоции, которые, как ей кажется, сейчас испытывают члены ее семьи, судя по их внешним проявлениям – по выражению лица, по скорости действий, по поведению в целом: «Выражение лица его было одинаково – желание утолить свою ярость»²⁰, «бледный и искаженный от злости»²¹, «ярость исказила лицо тетушки»²², «бледная от злости»²³.

Наташа как рассказчик не проникает в мысли других героев, не дает развернутую оценку их поступкам, не рассуждает подробно об их причинах. Более того, Наташа не описывает подробно и свои ощущения, она лишь фиксирует свои физические и эмоциональные реакции на насилие, которому подвергается. Например, она говорит, что заплакала, вздрогнула, вскрикнула, что у нее болели колени, что она забылась и бросилась защищать брата, что она испугалась, потеряла дар речи. Однако развернутой рефлексии о страшных событиях в семье Тальниковых со стороны Наташи в повести практически нет, хотя нам известно, что эти записи о своем детстве были сделаны уже взрослой женщиной: «В одном месте своих записок героиня называет себя старухой. Понятно, что события, описываемые ею, не относятся к настоящему времени»²⁴.

Таким образом, в тексте разыгрывается нарративная ситуация, в которой героиня рассказывает о своем далеком прошлом, детстве и подростковом возрасте, никак это не структурируя, многое пропуская, а чему-то уделяя больше внимания, описывая общий порядок жизни в семье. На протяжении всего текста Наташа, рассказывая о событиях, ссылается именно на воспоминания: используются конструкции «я помню», «как я помню». В то же время создается впечатление синхронного описания событий, так как в тексте есть, например, длинные диалоги, детальная фиксация действий, эмоций Наташи и ее окружения, происходящая будто бы в реальном времени.

Следует отметить, что, как правило, все фиктивные автобиографии XIX в. устроены подобно: в книге «*Handbook of Autobiography/Autofiction*», посвященной их истории, фиктивные автобиографии воспринимаются, с одной стороны, как автобиографические, а с другой, как вымышленные²⁵. Одной из характеристик, которая создает ощущение правдивости, считается подражание реальному опыту, к чему как раз отсылают приведенные

²⁰ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 105.

²¹ Там же. С. 106.

²² Там же. С. 109.

²³ Там же. С. 151.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ Vandevorste H. *Fictional Autobiography // Handbook of Autobiography/Autofiction*. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Volume I: Theory and Concept. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019. P. 607.

выше конструкции «припоминания» событий Наташей. Однако, в правдоподобном повествовании рассказчик не может знать, например, мысли и чувства окружающих людей. Это свойство фиктивной автобиографии соответствует «протокольному» стилю повести.

Примечательно также, что в тексте отсутствуют явные переключения между «взрослой» и «детской» стратегиями повествования. Повествование скорее нейтрально, без явной стилизации под детское восприятие. Нельзя четко определить границу, где события излагаются взрослой женщиной, а где подростком или ребенком. Тем не менее складывается впечатление, что «внешнее» – действия героев и их характеристика – описано рационально и последовательно, изложено взрослым субъектом. Описания же «внутреннего» – эмоций, переживаний, чувств – выглядят скудно и односложно, будто бы они написаны девочкой, еще эмоционально незрелой и не способной на взрослый самоанализ.

Важно добавить, что повествование слабо центрировано на фигуре «Я», так как Наташа часто отклоняется от описания своей жизни и концентрируется на внешних предметах – например, многочисленных ссорах между родственниками, устройстве личной жизни тетюшек и гувернантки, коллизиях в отношениях учителя-музыканта и его жены, событиях из жизни бабушки. Вследствие отсутствия сильной фигуры нарратора, которая бы связывала собой текст, он распадается на ряд сцен, эпизодов и даже самостоятельных сюжетных линий. Такому восприятию текста также способствует значительное количество диалогов, которые как бы выталкивают рассказчика из повествования.

2.2. Особенности семантики в описании насилия

Важно также обратиться к семантике слов, с помощью которых описывается насилие: используются такие слова, как палач (шесть раз), расправа (три раза), жертва (десять раз), платились, наказание, приговор, преступник, допрос, тирания, преступления, эшафот, вооруженный.

Эта категория слов имеет ярко выраженную семантику силовых отношений, лексика отсылает к средневековой системе пыток и наказаний. Употребленная, очевидно, целенаправленно, она настраивает определенную оптику происходящего. В эстетическом плане лексика создает яркие образы и гнетущую, мрачную атмосферу, эмоционально воздействующую на читателя. Примечательно, что слово «жертва» использовано в тексте целых десять раз: участникам насилия присваивается роль и тем самым происходит абстрагирование от ситуации, она становится менее личной, а значит, менее болезненной.

Рутинизация насилия

Ощущение рутинности насилия в тексте достигается с помощью языковых средств, слов-маркеров, которые предполагают повторяемость описываемых событий.

Мать нас мало ласкала, мало занималась нами, зато мы мало от нее и терпели; но свирепость, в которую иногда впадал отец, была для нас слишком ощутительна²⁶.

В этом фрагменте Наташа, описывая отношения между взрослыми и детьми, использует наречие частотности «иногда», говорящее об определенном паттерне повторения ситуации. Глаголы несовершенного вида «впадал», «колотил» и «ломал» также предполагают множественность подобных ситуаций.

Продолжая описывать жестокое поведение своего отца, Наташа использует конструкцию «в таких случаях», которая прямо говорит о некоторой норме, регулирующей семейные отношения:

Оскорбленная с радостью бросилась к двери и угрожала пожаловаться отцу, который в таких случаях жестоко наказывал виновную²⁷.

Кроме отношений с родителями, Наташа описывает, как в семье Тальниковых относились друг к другу сами дети. Неудивительно, что в таком враждебной окружении насилие используют даже самые маленькие: «Самые младшие могли безнаказанно рвать мои куклы и платья, щипать и толкать меня, проходя мимо»²⁸. В этом фрагменте, помимо рутинности, можно также отметить отсутствие иерархии. У Тальниковых традиционная иерархия старших и младших не играла значимой роли, главным же признаком власти была сила. Это мы видим также в том, что тетеньки, издевавшиеся над детьми, не трогали старшего брата Мишу, так как он «часто избегал наказания своей отвагой и силой»²⁹.

Наташа, описывая наказания, которым она подвергалась в семье, подчеркивает, насколько часто она их переносила и насколько оттого привычными они для нее были:

Уши, мои бедные уши всегда страдали первые! Тетенька за ухо повела меня в угол; я начала плакать и жаловаться, но дорого заплатила за свое сопротивление: объявили, что не дадут мне есть целую неделю. Меня так часто оставляли без чаю, без обеда, без ужина по целому месяцу, что такое наказание обратилось мне в

²⁶ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 105.

²⁷ Там же. С. 108.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 128.

привычку³⁰.

В приведенном выше фрагменте описывается конкретная ситуация, передаваемая через глаголы совершенного вида: «повела», «начала», «заплатила», «объявили». Но в то же время Наташа экспрессивно описывает привычку: «уши, мои бедные уши всегда страдали первые!». Здесь употребляется и глагол несовершенного вида «страдали», и яркий маркер повторяемости события «всегда». Также Наташа подчеркнуто рутинизирует опыт постоянного жестокого обращения с помощью слов «часто» и «обратилось в привычку».

Еще одним способом рутинизации насилия становится ирония. Описывая, как тетушки вымещали гнев на детях, Наташа говорит: «И часто любознательный возвращался с красными ушами...»³¹ В этой маленькой ироничной ремарке заметна дистанция между нарратором, а значит и читателем, и описываемым событием. С помощью иронии создается впечатление рядового, ничем непримечательного события. Это пример того, как видимость фигура рассказчика через языковые средства создает ощущение комфорта и безопасности. Читательская реакция направляется и ограничивается с помощью эмоций, в отличие от ситуации, когда события фиксируются нейтрально.

Выводы

В «Семействе Тальниковых» Панаевой доминирует описание насилия взрослых в отношении детей, с одной стороны – беспомощных объектов ненависти, и, с другой стороны, самостоятельно перенимающих от родителей и родственников стратегии выживания и навигации эмоционального состояния. Нарративная структура повести отсылает к стандартному устройству фикциональной автобиографии XIX века. Тем не менее, оригинальность стиля состоит в предельной эмоциональной отстраненности фигуры нарратора от описываемых событий, а также в особом эффекте рутинизации насилия, достигаемого при помощи различных слов-маркеров, глаголов несовершенного вида и наречий частотности.

Литература

Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1986.

Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928.

Vandevoorde H. Fictional Autobiography // Handbook of Autobiography/Autofiction. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Volume I: Theory and Concept. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019.

³⁰ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 109.

³¹ Там же. С. 107.

References

- Panaeva A.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda publ., 1986.
Panaeva A.Ya. *Semeistvo Tal'nikovih* [The Talnikov Family]. Leningrad: Academia publ., 1928.

The Depiction of Violence in “The Talnikov Family” by A.Y. Panaeva

Alena Brazhenko, bachelor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), eabrazhenko@edu.hse.ru

The article is devoted to the analysis of the depiction of violence in the novel by A.Y. Panaeva “The Talnikov Family”. This work of Panaeva caused a sharp reaction from the authorities and was banned by censorship because of «immorality and undermining of parental authority.» Nevertheless, liberal critics and writers of the middle of the XIX century appreciated the story as it exposed the “social scourges”. In this article we will try to analyze how Panaeva approaches the topic of domestic violence, taboo for the society of the XIX century, and what pictorial strategies she chooses to represent in the story.

In the course of the analysis, the dominant strategies of depicting violence were determined, namely, the subjects and objects of violence were identified, the features of the narrative and poetics of the text were characterized, the semantic features of words to describe violence were described, and also the effect of the routinization of violence in the story was analyzed.

Ключевые слова: depiction of violence, domestic violence, “The Talnikov Family”, A.Y. Panaeva

For citation: Brazhenko E.A. (2023) The Depiction of Violence in “The Talnikov Family” by A.Y. Panaeva // *Metamorphosis*. Vol. 7. N. 2. P. 17-25.